

³ См.: Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 186.

⁴ Сириус. 1826. Ч. 1. С. 197—198.

⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. 1883. Т. VIII. С. 117.

Булгарин и граф Хвостов

Когда в 1835 году вышли в свет «Посмертные записки титулярного советника Чухина» давнего пушкинского врага Ф. В. Булгарина, Пушкин собирался откликнуться уничтожающей маленькой рецензией, которую, впрочем, не напечатал. Она не стала фактом журнальной полемики, но осталась нам как образец полемического искусства.

Пушкин не имел в виду разбирать роман по существу. Он сослался на предисловие к «Ивану Выжигину», где Булгарин негодовал на критиков, не признающих в нем писательского таланта. «С нашей стороны — замечал Пушкин, — мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся». Отзыв заключался словами: «Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним»¹.

Эта ядовитая двусмысленность имела за собой литературную традицию, восходящую к временам «Арзамаса» и даже более ранним.

М. А. Дмитриев, племянник И. И. Дмитриева, рассказывал, что дядя его упрекал Карамзина, отвечавшего вежливыми похвалами на присылаемые ему сочинения известного метромана графа Д. И. Хвостова. «„А как же ты пишешь? — спросил Карамзин. — Я пишу очень просто. Он пришлет ко мне оду или басню, я отвечаю ему: «Ваша ода или басня ни в чем не уступает старшим сеграм своим!» — Он и доволен, а между тем это правда». — Оба очень этому смеялись!»².

Этот анекдот не выдумка. Сохранилось письмо Дмитриева Хвостову от 31 августа 1815 года, где употреблена именно эта формула: «Новейшее произведение вашей музы во всех отношениях не уступает прежним»³.

Пушкин, несомненно, еще в молодости знал этот полемический прием; Дмитриев не делал из него секрета. Вяземский писал А. И. Тургеневу в 1821 году: «Иван Иванович на получаемые от Хвостова стихи при письмах говорит, что ему совестно называть их по имени, и потому отвечает: «Благодарю за письмо и приложение»⁴.

Через много лет в борьбе с литературными противниками Пушкин применил формулу иронического эффемизма, взяв ее из арсенала «арзамасского» полемического языка. То, что она была связана с творчеством графомана, — такова была устойчивая репутация Хвостова, — придавало ей совершенно особый смысл, который, без сомнения, уловили бы литературные друзья Пушкина, участники бурных баталий 1810-х годов.

Впервые: Русская речь. 1987. № 3.

¹ Пушкин. Т. 8. С. 420.

² Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 122.

³ Русская старина. 1892. № 7. С. 100.

⁴ Остафьевский архив. Т. II. СПб., 1899. С. 195.

Тощий кот на кровле

Современному читателю трудно представить себе ту степень популярности, какой пользовались в пушкинскую эпоху стихи, басни и сказки И. И. Дмитриева. В культурном обиходе образованного общества они выполняли ту же роль, что и басни Крылова, и еще в тридцатые годы не уступали им в известности. Они рассыпались на формулы, парафразы, речения, анонимные, но безошибочно узнаваемые. Жаль, что никто не собрал и не систематизировал этого материала, — он показал бы с большой наглядностью, как поэтический язык Дмитриева обогащал общелитературный фразеологический фонд.

Для пушкинского времени речения из Дмитриева — почти всегда цитата, отсылка к некоему дополнительному контексту. Нередко они становились опорными формулами текста. Их брали из произведений, ставших хрестоматийными: из «Чужого толка», из «Модной жены», — и из тех стихов, которые потом были забыты, но в свое время пользовались успехом, быть может, для нас неожиданным.

В лицейском дневнике Пушкина за 1815 год есть запись: «...Пели куплеты на голос: *бери себе повесу*»¹. Куплеты, далее приведенные в дневнике, — шуточный «перепев» «Карикатуры» Дмитриева, в первой редакции называвшейся «Отставной вахмистр. Баллада».

Эта пародийная баллада об отставном вахмистре, вернувшемся домой «трях, трях, а инде рысью На старом рыжаке», после двадцатилетнего отсутствия, история полусмешная, полудраматическая, была известна каждому любителю словесности. Пушкин упоминал ее с похвалой в «Станционном смотрителе». Она нравилась Карамзину, напечатанному ее в 1792 году в «Московском журнале»; он писал автору: «Твой *Вахмистр* в Москве гораздо счастливее, нежели в Петербурге. У нас его хвалят, и очень хвалят. Чудно для меня, что он не полюбился Г. Ро—чу! Верно, он читал его в худой час. Вахмистр есть и будет всегда превосходною пиесою в своем роде»². Как явствует из письма, петербургские литераторы приняли «пиесу» холоднее: «Гавриил Романович — Державин — доволен не был, равно как и молодые издатели «Зрителя» — Клушин и Крылов.

Тем не менее, о «Карикатуре» помнили еще в тридцатые годы девятнадцатого века; Дмитриев, весьма строгий в отборе своих сочинений для переиздания, включал ее во все издания своих «Басен и сказок», по временам внося исправления в текст. Михаил Дмитриев, племянник баснописца, сообщал: «У меня есть картинка, написанная пером самим Дмитриевым в его молодости: она изображает *Патрикеева* (прототипа «Вахмистра». — В. В.), подъезжающего на старом рыжаке к селу Ивашевке. Там не забыт и тощий кот, мяукающий на кровле»³.

«Тощий кот» был символическим выражением мерзости запустения в заброшенном жилище вахмистра:

Весь двор заглох в крапиве!
Не видно никого!
Лубки прибиты к окнам,
И на дверях запор;
Все тихо! лишь на кровле
Мяучит тощий кот.

С «Карикатурой» произошло то же, что с баснями и сказками Дмитриева: она рассыпалась на эпизоды, сцены, речения в функции цитаты. Так, в «Станционном смотрителе» Самсон Вырин живописно отирал слезы свои полою, «как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева»⁴. Никаких дальнейших пояснений Пушкин не делает: он рассчитывает — и, видимо, с основаниями, — что читатели безошибочно поймут, о чем идет речь.

Реминисценции из «Карикатуры» у Пушкина чаще всего — сознательное цитирование.

В начале 1820-х годов он перечитывает «Опыты» Батюшкова и против строк «Послания г. В-му»

«Тогда я с Сильфами взлечу на небеса»

ставит на полях: «вот сунуло куда!»⁵.

Ироническая реплика читается по-разному в зависимости от того, оригинальна она или цитатна. В последнем случае источник цитаты как бы берет на себя основной груз полемической резкости, и на передний план выступает игровое начало — неожиданность применения. Так произошло и на этот раз. Пушкин воспользовался строчкой из «Карикатуры», — но не в окончательной, а в первоначальной редакции:

Не древний мы крыжатик,
Вот сунуло куда!⁶

А через десять лет цитату из «Карикатуры» в полемических целях использовал Гоголь. Его рецензия на альманах «Мое новоселье» В. Крыловского, напечатанная в первом томе пушкинского «Современника» в 1836 году, начиналась словами:

«Это альманах! Какое странное чувство находит, когда глядим на него: кажется, как будто на крыше опустелого дома, где когда-то было весело и шумно, видим перед собою тощего мяукающего кота»⁷.

Это — отсылка к тем строфам «Карикатуры», которые мы уже цитировали, — и образ организует всю рецензию. «Альманах! Когда-то Дельвиг издавал благоуханный свой альманах! В нем цвели имена Жуковского, князя Вяземского, Баратынского, Языкова, Плетнева, Туманского, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другие люди, другие лица»⁸. Эти «лица» — Курута, Варгасов, Крыловский, Грен и «буквы» С., Ш. и Щ. и создают, по мысли Гоголя, ту мерзость запустения, которая заставляет вспомнить о заросшем крапивой жилище дмитриевского вахмистра.

По-видимому, Пушкина развлекла эта шутка; во всяком случае, в «Письме к издателю», напечатанном в «Современнике», якобы от лица провинциального читателя, он, оспорив гоголевское обозрение журнальной литературы, привел это «забавное сравнение» в пример шуточного разбора, допустимого в критической практике. Вероятно, он узнал и источник гоголевской шутки, хотя ни словом о том не обмолвился. Нет све-

дений и о том, как реагировал на рецензию сам И. И. Дмитриев, неоднократно выражавший свое удовлетворение первым томом «Современника».

Впервые: Русская речь. 1986. № 4.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 298.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 28.

³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 125.

⁴ Пушкин. Т. 8. С. 105.

⁵ Там же. Т. 12. С. 274.

⁶ Дмитриев И. И. Полн. собр. стих. Л., 1967. С. 412.

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. [М.; Л.], 1952. С. 197.

⁸ Там же.

Приписываемое Пушкину

Всякий, кому приходилось держать в руках научные собрания сочинений классиков, без сомнения, обращал внимание на особый раздел, которым заключается том чаще всего статей или стихотворений. Это — раздел «Приписываемое» или «Dubia» (сомнительные). Это произведения, авторство которых не доказано с полной определенностью, — например, автографом или прямыми указаниями автора или ближайших к нему лиц, — но подтверждается достаточным числом косвенных данных. На протяжении всей истории издания и изучения классиков этот «пограничный» отдел не исчезал, но менялся в своем составе, ибо нельзя полностью примирить стремление к полноте и стремление к достоверности, и ни один издатель не может пренебречь косвенными свидетельствами. Методика же их анализа уже выросла в особую вспомогательную научную дисциплину, требующую от филолога скрупулезного изучения не только творчества писателя, но и его литературной среды.

Все это ближайшим образом относится к изданию Пушкина и к той частной проблеме, о которой далее пойдет речь.

1

Еще в середине прошлого века в нескольких рукописных сборниках, довольно авторитетных по своему происхождению и содержащих неизданные в то время

пушкинские стихи (сборник В. П. Гаевского, П. Я. Дашкова, копии 1850—1860-х годов в несохранившейся тетради Н. А. Долгорукова, М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого и других), появилось с именем Пушкина и датой «1814» стихотворение под названием «Цель нашей жизни». Оно было впервые опубликовано в 1876 году. Об этом стихотворении знал еще П. В. Анненков, издавший в 1855—1857 годах первое научное собрание сочинений Пушкина; знал, но отверг его, как и несколько других, ходивших по рукам с именем Пушкина. Н. В. Гербель, издавая в Берлине «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», также исключил эти стихи. «Анненковым положительно доказано, — писал он, — что стихотворения «Цель нашей жизни», «Гараль и Гальвина», «Не помнишь ли ты, ваше благородье» и «Песнь черкеса» («Седлайся вновь, конь верный мой...») также не принадлежат Пушкину...»¹.

Суждение Гербеля было, однако, оспорено, — причем оппонентом весьма авторитетным. Им был старик П. А. Вяземский, внимательно следивший за новыми публикациями Пушкина. Просматривая второе издание гербелевского сборника, он пометил на полях: «Решительно Пушкина. Он мне их читал»².

Вяземский, по-видимому, был не единственным, кто возражал Гербелю, и тот если и не изменил своего мнения полностью, то был в нем поколеблен. В 1876 году он опубликовал в «Русском архиве» «Цель нашей жизни» вместе с балладой «Гараль и Гальвина», сославшись на противоречивые свидетельства об авторстве этих стихов и предоставляя «критике» окончательное решение этого вопроса³.

Уже первым читателям «Цели нашей жизни» было понятно, что это стихи подражательные, ученические, написанные как поэтическая иллюстрация на заданную тему. Движение мысли сочинителя элементарно и прозрачно; оно подчинено законам школьной риторики. Первые четыре строфы, с анафорическими зачинами и нарастанием, представляют собою серию ораторских вопросов-обращений, долженствующих обличить «любимца Божества», забывшего о своем высоком предназначении. Примеры «постыдных целей» — кровопролитные войны (с явным намеком на Наполеона, который «с весельем адским нес народам смерть и брань»), роскошь сибарита и алчность богача: